ВОЛЬНЫЙ ГОРЕЦЪ

Органъ революціонной демократіи горскихъ народовъ Сѣвернаго Кавказа.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ, ПО ПОНЕДѢЛЬНИКАМЪ И ЧЕТВЕРГАМЪ.

№ 14. Понедѣльникъ, 1 декабря 1919 года. Цѣна 3 руб.

Адресъ Редакціи и Конторы: Тифлисъ, Пр. Руставели, Отель Европа.

Редакція открыта отъ 12—1 ч., контора отъ 10—2 ч.

Объявленія принимаются: За строку петита впереди текста 3 руб. послѣ текста 2 руб.

Присылаемыя статьи должны быть написаны на одной сторонѣ листа и снабжены подписью автора. Редакція оставляетъ за собой право сокращать и поправлять рукописи.

Кого поддерживать?

Заграничная делегація новыхъ государственныхъ образованій на территоріи бывшей Россійской Имперіи обратились съ общей нотой къ предсѣдателю мирной конференціи Ж. Клемансо, въ которой указываютъ на необходимость скорѣйшаго признанія независимости этихъ государствъ.

Мотивы обращенія вполнѣ ясны—всякое дальнѣйшее промедленіе въ этомъ вопросѣ это поддержаніе въ Россіи анархіи, дальнѣйшихъ кровавыхъ бесѣдъ и приведеніе къ окончательной хозяйственной разрухѣ какъ самой центральной Россіи, такъ и ея окраинъ.

Въ то время какъ черное—деникинство и красная знамя—большевизмъ, взаимно пожирая другъ друга и губятъ Россію въ потокахъ крови, единственными насадителями права, порядка, осуществленія принциповъ демократизма въ большей или меньшей степени являются тѣ государственныя образованія, которыя согласно лозунга великой россійской революціи о правѣ каждой народности на національное самоопредѣленіе стали на путь независимой политической жизни.

Казалось бы разумная политика державъ Антанты, должна была бы быть направленной въ сторону поддержки этихъ малыхъ народовъ на пути ихъ государственнаго строительства, а въ дѣйствительности, что же мы видимъ? Антанта питала тучи силу, которая въ Россіи является такимъ же источникомъ анархіи, какъ и большевизмъ. Антанта вскармливала удава деникинской реакціи и этотъ удавъ, начавъ съ того, что сталъ душить малые народы Россіи. Тамъ гдѣ существовалъ относительный порядокъ—началась анархія и безконечная гражданская война. За примѣромъ далеко ходить не приходится—возьмемъ исторію удушенія горской республики и нынѣшняго возстанія горскихъ народовъ или удушеніе крымской автономіи, разгонъ Курултая, или идущая сейчасъ кровавая бойня съ Петлюрою на Украинѣ.

Антанта питала Деникина, Деникинъ разрушалъ демократическія государства малыхъ народовъ, воскрешалъ бюрократическій централизмъ самодержавія и царскіе порядки и порождалъ въ массахъ большевистскія настроенія.

Только, кажется теперь становится ясныхъ для политики Антанты, что ставка на Деникина—это ставка на анархію, гражданскую войну, безъ конца. Вогнать русскій народъ въ то ярмо, которое онъ разбилъ съ такой страшной силой—задача совершенно безнадежная. А вѣдь эту задачу пытается осуществить Деникинъ. Это такое же Донкихотство, какъ насажденіе коммунистическихъ порядковъ въ странѣ, въ которой совершенно отсутствуютъ для этого надлежащія объективныя предпосылки, гдѣ четыре пятыхъ населенія мелкое буржуа съ ихъ кретинизмомъ частной собственности.

Отсюда ясно, что всякая сила, которая хотѣла бы, чтобы въ Россіи водворился скорѣе порядокъ и нормальная жизнь должна поддерживать не Деникина, а тотъ третій элементъ, который имѣется въ видѣ вновь образовавшихся и образующихся демократическихъ государствъ малыхъ народовъ, которые въ общей сложности составляютъ половину Россіи.

Съ этой точки зрѣнія на Кавказской территоріи политика Антанты должна была быть направлена не въ сторону поддержки Деникина въ борьбѣ съ горскими народами, а наоборотъ въ поддержкѣ горскихъ народовъ въ ихъ національно-освободительномъ движеніи и въ ихъ попыткѣ возсозданія демократической республики.

Даже мы печатаемъ обращеніе Совѣта Обороны Сѣвернаго Кавказа къ державамъ Антанты и думаемъ, что политика направленная къ установленію на Кавказѣ демократическаго порядка должна была бы отнестись къ этому обращенію съ полнымъ вниманіемъ. И только та политика, которая по существу не заинтересована въ окончаніи смуты, кровавой гражданской войны, анархіи, установленію скорѣйшаго нормальнаго гражданскаго правопорядка пройдетъ равнодушно мимо этого обращенія, истекающаго кровью въ неравной борьбѣ народа.

Ах.

Часъ наступаетъ!

Конфликтъ Кубанской рады съ Деникинымъ закончился кровавой трагедіей. Черные генералы показали всему міру, что единственная работа, на которую они способны—это работа палачей.

Генералъ „Врангель, мотивируя свою дикую расправу надъ членами рады, заявилъ:

„Нѣкоторые изъ нихъ (членовъ рады) полны до того, что заключили преступный договоръ съ *враждебными намъ горскими народами*".

Мы хорошо знали, что горскіе народы никогда не помирятся съ тѣми цѣпями рабства, которыя принесли имъ черные генералы Деникины.

Мы съ гордостью можемъ принять оцѣнку отношеній горскихъ народовъ къ Деникину, данную этимъ черным генераломъ реакціи.

Кубанская трагедія—это начало конца Доброварміи. Только слѣпцы могутъ не видѣть, что тѣ вилѣлицы, которыя воздвигнуты на крѣпостной площади Екатеринодара—явятся вскорѣ достойной наградою тѣхъ, кто сейчасъ празднуетъ минутную побѣду.

Что же посмотримъ, чьи головы будутъ висѣть на перекладинахъ въ большомъ количествѣ?...

А пока Анненская реакціи стучится въ двери Кавказа. Его мрачная фигура зловѣщей тѣнью подымается надъ кавказскимъ хребтомъ. Не пора ли встрѣтить эту тѣнь всѣмъ кавказскимъ народамъ общимъ залпомъ—вѣстникомъ начавшейся рѣшительной схватки?...

К.

Предъ новымъ катискомъ.

Каждая новая радіограмма „сводка о положеніи южнаго фронта свидѣтельствуетъ о новыхъ успѣхахъ армія Троцкаго, о новыхъ продвиженіяхъ бѣло-краснаго фронта къ югу, къ очагамъ Добровольи, Дону и Кубани.

Каждое новое продвиженіе красной лавины ставитъ Добровольи предъ грозно-растущей опасностью пораженія, которое для нея будетъ въ значительной мѣрѣ равносильно физическому уничтоженію.

Тотъ красный валъ,—который, поскольку можно судить по сообщеніямъ, теперь сильнѣй, чѣмъ когда либо, потому что теперь у большевиковъ остался только одинъ серьезный фронтъ—южный, —именно и есть девятый валъ.

Тотъ девятый валъ, о которомъ съ ужасомъ трепетомъ писалъ еще въ прошлому году генералъ „Бѣлой Россіи" Шульгинъ и говорили всѣ добровольческіе военные и гражданскіе дѣятели Добровольи на всякихъ кругахъ, радахъ и съѣздахъ южно-русскаго казачества.

Положеніе еще осложняется тѣмъ, что добровольческій тылъ, опора фронта и источникъ его силы, приведенъ въ волненіе, грозное перспективами отхода и раскола.

Если тылъ, какъ говорятъ, дѣйственно опредѣлитъ участь той грандіозной эпопеи гражданской войны, которая тянется уже два года, то общая тыловая ситуація у Добровольи такова, что не сулитъ ничего хорошаго.

И фронтъ, отступающій подъ натискомъ красныхъ, и тылъ, кипящій политическими страстями, выдвигаютъ предъ Добровольи нешешо мотъ, конечно, въ томъ случаѣ, если красная лавина будетъ продолжать свое скольженіе къ югу, если совѣтскій тылъ не претерпитъ какихъ либо непредвидѣнныхъ катастрофъ и, если тылъ Добровольи будетъ еще въ которое время бурлить и волноваться.

И тамъ грозный встанетъ предъ Добровольей это memento mori, чѣмъ ярче будутъ успѣхи красныхъ, потому что съ неуспѣхами, на фронтѣ придетъ окончательное разложеніе тыла Добровольи, состоящаго изъ сплошныхъ разнородныхъ и разнохарактерныхъ элементовъ.

Фронтовыя неудачи добровольческихъ вождей могли бы вырастить и умножить энергію сопротивляемости только у кубанскаго и терскаго казачества.

Только эти два казачества могли бы быть надежной и вѣрной опорой для той силы, которая противопоставила себя большевизму.

Кубанское казачество,—насмотрѣвшееся „до сыта" на методы хулиганствованія всякихъ „чрезвычайныхъ" управленій, истрадавшееся подъ „административнымъ гнетомъ „кубанскихъ сувенировъ" проявитъ, естественно всю силу, чтобы не пустить къ себѣ вновь большевиковъ „казновъ".

Терское казачество, по стратегическимъ соображеніямъ, порой выжидавшимъ для него все, и политику, и мораль, и всю новину, также не ожидаетъ ничего, кромѣ сѣвернаго отъ прихода большевиковъ.

Вызывающее къ жизни главнымъ образомъ совѣтскую власть на тѣрекѣ, тяжелое вліяніе совѣтскихъ вожаковъ и тяжелое изжитое терское казачество постоянно руководилось въ своихъ выступленіяхъ и актахъ стратегическимъ соображеніями въ той постоянной готовности войны съ горцами, которая характеризовала всегда терское казачество.

И, вотъ, теперь, когда нарастаетъ опасность прихода на Сѣверный Кавказъ большевиковъ, терское казачество,—насмѣсь и часъ расплаты за свои многократныя измѣны большевикамъ и тогу, что его позиціи противъ горцевъ будутъ ослаблены и горцы по праву сдѣлаютъ политическій сигналъ—конечно, приметъ всѣ мѣры, чтобы умножить свои силы въ борьбѣ противъ большевиковъ.

Всѣ же остальныя элементы, на которые опираются добровольческіе вожди подвергнутся разложенію тѣмъ скорѣй, чѣмъ больше нажимъ и успѣхи красныхъ будетъ на фронтѣ.

Но и на кубанское казачество при обострившихся отношеніяхъ Добровольи и Кубани не могутъ расчитывать добровольческіе вожди.

Такимъ образомъ, положеніе Добровольи въ моментъ обострѣнія нарастающей опасности, можетъ счутится настолько критическимъ, что крокъ терскаго казачества и добровольческаго офицерства, никто не будетъ драться съ большевиками „до послѣдней капли крови".

И, вотъ, для горцевъ въ связи съ наиболѣе вѣроятной позиціей терскаго казачества въ случаѣ пораженія Добровольи, а пока въ связи съ приближеніемъ фронта къ сѣверо-кавказскимъ рубежамъ возникаетъ задача еще энергичнѣе и сильнѣй готовиться къ новымъ походамъ добровольцевъ и тѣмъ въ горы ради „покоренія и смиренія" горцевъ.

Какъ, можетъ быть, не покажется парадоксальнымъ съ перваго взгляда утвержденіе, что по мѣрѣ ухудненія общаго положенія Добровольи она приложитъ всѣ старанія, чтобы задавить горцевъ.

Да и горцы, надо ожидать, проявятъ всю энергію и пустятъ въ ходъ все свое вліяніе и связи, чтобы добится отъ вождей Доброварміи согласія на подавленіе во что бы то ни стало горскаго возстанія.

Всегда терскіе казаки горѣли желаніемъ ослабить горцевъ, придавить ихъ, прикрыть, чтобы горцы не могли расправить своихъ связанныхъ крыльевъ, а теперь это желаніе, естественно, сильный тѣмъ когда либо.

И это „подавленіе" горцевъ, попытки къ ихъ закиренію, надо ожидать, будутъ жесточе и кровожаднѣе всего того, что Добровольи проявила на аренѣ борьбы съ горскимъ самостійничествомъ. Поэтому горцы, сознавая это и ожидая новаго ожесточеннаго натиска со стороны Добровольи, готовы встрѣтить его организованными усиліями и отразить, ибо для горцевъ давно поставлена дилемма или смерть въ бою за свое освобожденіе или смерть отъ казачье-добровольческаго управленія.

Горцы, конечно, предпочитаютъ первую часть дилеммы, ибо, сражаясь за свое освобожденіе и умирая за свои вольности, они вѣрятъ, что усиліи и жертвы не пропадутъ напрасно, что въ концѣ концовъ лучи освобожденія упадутъ и въ горныя теснины.

Но не только предъ горцами въ связи съ ухудненіемъ и обостреніемъ Добровольческаго положенія выдвигается задача по организаціи всѣхъ силъ для отпора послѣдняго добровольческаго натиска отчаянія.

И предъ закавказскими демократіями выростаетъ задача—организоваться и укрѣпляться, дабы и помочь горцамъ въ ихъ героической борьбѣ, и защитить себя отъ всякихъ возможностей.

А возможности такія появляются по мѣрѣ того, какъ добровольческая армія отгаснется большевиками къ югу.

Для того чтобы углубить свой тылъ и обезпечить себѣ возможные пути отхода, можно ожидать, что Добровольи попытается не только на счетъ горцевъ, но и на счетъ Закавказья углубить свой тылъ.

И чѣмъ хуже будутъ дѣла добровольцевъ, тѣмъ опаснѣе для Закавказья и горцевъ, что стихійнымъ, быть можетъ, потокомъ добровольческая масса хлынетъ на югъ.

Необходимо это учесть всѣмъ тѣмъ, кто стоитъ на стражѣ закавказской демократіи и пытается сберечь ея завоеванія отъ всякихъ покушеній сѣвернаго имперіализма.

Аргунскій.

Нота Совѣта Обороны, представленная г. Министру Иностранныхъ дѣлъ Грузіи и Представителямъ Союзныхъ Державъ на Кавказѣ.

Дипломатическимъ представителемъ Совѣта Обороны Республики Горцевъ Кавказа поданы г. Министру иностранныхъ дѣлъ Грузіи и представителямъ союзныхъ державъ слѣдующая нота:

„Настоящимъ, по порученію и отъ имени Совѣта Обороны Сѣвернаго Кавказа и предсѣдателя его Али-Хаджи Акушинскаго, считаю долгомъ

довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства нижеслѣдующее: 19-го октября с. г. въ сел. Левашы организовался Совѣтъ Обороны Сѣвернаго Кавказа, который возлагаетъ народную оборону противъ нашествія Добровольческой Арміи и пользуется полнотой государственной власти.

Совѣтъ Обороны Сѣвернаго Кавказа, обсудивъ создавшееся положеніе, считаетъ долгомъ отмѣтить предъ Представителями Союзныхъ Державъ, что війна между Добровольческой арміей и Народами Сѣвернаго Кавказа возникла по винѣ Добровольческаго Командованія и можетъ быть декидирована лишь при вмѣшательствѣ или поддѣйствіи Союзниковъ на г. Деникина, пользующагося оружіемъ и средствами Антанты для осуществленія своей программы.

Въ процессѣ русской революціи Горскіе Народы объявили свою независимость, создали Парламентъ и Правительство; но благодаря коварному вмѣшательству г. Деникина, оно не выполнило своихъ обязачностей предъ народомъ и позорно оставило страну безъ защиты.

Пользуясь паденіемъ Горскаго Правительства, г. Деникинъ вветь войска въ наши горы, оскорбилъ нашу честь, разрушилъ мирный трудъ народъ и пытался востановить въ горахъ формы власти русскаго деспотизма, что естественно вызвало народную войну.

Свое посягательство на нашу землю и право г. Деникинъ обяснчетъ какъ борьбу съ большевизмомъ, противъ которого війна разрѣшена Союзниками, но Духовный Отецъ Народа, Али-Хаджи открито заявляетъ всѣмъ, что мы не примемъ другого ученія кромѣ *Ислама*, въ которымъ имѣютъ свое мѣсто также принципы равенства и справедливости.

Г. Деникинъ, пользуясь вѣковой враждой между горцами и казаками, избралъ послѣднихъ орудіемъ для своихъ завоевательныхъ замысловъ, какъ это дѣлали цари, покорившіе Кавказъ. Казаки захватили послѣ покоренія Кавказа наши земли и мы не скроемъ, что это является единственной причиной существующей между нами распри; но политика г. Деникина не только не разрѣшаетъ, а наоборотъ доводитъ до крайняго обострѣнія эту вражду.

Совѣтъ Обороны заявляетъ, что Кавказъ не Россія и насильственное вторженіе Деникина съ казаками въ наши горы не можетъ быть терпимо ни однимъ торцемъ, какъ не было терпимо и насиліе со стороны Совѣтской Россіи.

Идея независимости Горцевъ Кавказа, освященная кровью ряда поколѣній, какъ бы она не казалась несбыточной нашимъ врагамъ, для Горскихъ Народовъ является вопросомъ жизни или смерти. Вѣковое стремленіе Горцевъ къ независимости должно быть осуществлено въ интересахъ спокойствія и мира въ горахъ Кавказа.

Если истина о правѣ народовъ на самоопредѣленіе, провозглашенная г. Президентомъ Вильсономъ отъ имени союзниковъ, не анулирована какими либо корыстолюбивыми соображеніями, то горцы могутъ расчитывать на защиту своихъ правъ со стороны Союзниковъ и я, отъ имени народа, истекающаго кровью въ неравной борьбѣ, прошу о справедливомъ заступничествѣ.

Совѣтъ Обороны Сѣвернаго Кавказа убѣдительно проситъ Представителей Союзныхъ Державъ принять срочныя мѣры къ очищенію Добровольческой Арміей Горской территоріи и назначенію международной комиссіи для выясненія тѣхъ бѣдствій, которыя явились слѣдствіемъ агрессивныхъ дѣйствій арміи Деникина. Лишь такія мѣры Союзниковъ могутъ успокоить возмущенную совѣсть Народовъ Сѣвернаго Кавказа и положить конецъ безразсудному кровопролитію.

— ◆ —

Хаджи-Муратъ.

Пьеса въ 5 дѣйствіяхъ *Ахмеда Цаликова*. По произведенію *Льва Толстого*.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Комната въ восточномъ стилѣ. Хаджи поетъ, остальные мюриды слушаютъ).

ХАДЕФИ. (Поетъ). «Высохнетъ земля на молитвѣ моей, и забудетъ меня тебя, моя мать. Порветесь кадбіе моцальной тряпкой, загнушитъ трава тихо горы мой отецъ отецъ. Слезы высохнутъ на глазахъ сестры моей, улетитъ и горе изъ сердца ея.

«Но не забудешь меня ты мой старшій братъ, пока не отомстишь моей смерти. Не забудешь ты меня и второй мой братъ, пока не лягешь рядомъ со мной.

«Горами ты, пуль и осколковъ ты смерть, но не ты ли была моей вірной рабой? Земля черная ты покроешь меня, но не я ли тебя конемъ топталъ? Холодна ты смерть, но не я ли бѣлъ тяжкимъ господскомъ. Мое тѣло возьметъ земля, мою душу приметъ небо». (Пауза).

ГАМЗАЛО. (Жалѣютъ нѣсень мюридовъ. Остальные подхватываютъ). Ля иллаги иль гадаи! (Въ дверяхъ показываетъ Хаджи-Муратъ. Все мгновенно стихаетъ. Онъ идетъ, будто не замѣчая мюридовъ).

ХАДЖИ-МУРАТЪ. (Здравіе! (Мюриды уходятъ. Входитъ Лорисъ-Меликовъ).

ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВЪ. Добрый день! (Жметъ руку).

ХАДЖИ-МУРАТЪ. Здравствуй.

ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВЪ. Ну какъ поправляется тебѣ баня у гавнаяхонцаунцаго въ Тифлисѣ?

ХАДЖИ-МУРАТЪ. (Нухмурившись). У каждаго народа свои обычаи. У насъ женщины если правда, что твои внуки загрязняютъ худое простыня никомъ а лишаютъ собаку смѣть оба голодные оставались». (Улыбается). Всякому народу свой обычай хорошъ. (Пауза).

ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВЪ. Давай продолжать разговоръ дальше.

ХАДЖИ-МУРАТЪ. Такъ говорить дальше?

ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВЪ. Да, да. Мы можемъ договорить.

ХАДЖИ-МУРАТЪ. Хорошо. (Усаживается въ ту же позу, что и въ третьемъ дѣйствіи). Я сказалъ какъ Хапиль убилъ. Ну убили мы и Гамзатъ вмѣстѣ въ Хунзахъ и сѣлъ въ ханскомъ дворцѣ. Оставалась мать хапиля. Гамзатъ приказалъ ее къ себѣ. Она стала выговаривать ему. Онъ мигнулъ своему мюриду Асельдеру, и тотъ сказалъ ему ударить убилъ ее.

ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВЪ. Зачѣмъ-же онъ убилъ ее то?

ХАДЖИ-МУРАТЪ. А какъ же быть: перебилъ передпяки полкъ, перебилъ и мужчинъ. Надо было всю породу уничтожить. Такъ и сдѣлали. Шамиль меньшого убилъ, сбросилъ съ скалы.

— Вся Аварія покорилась Гамзату. Только мы съ братомъ не хотѣли покориться. Нельзя надо была кровь его за хапиль. Мы дѣлали мщить что покорились». а хунзаго только какъ поить съ него кровь. Мы посовѣтовались съ дядюмъ и рѣшили выждать время, когда онъ выѣдетъ изъ аула и изъ аковды убить его. Кто-то подслушалъ насъ сказалъ Гамзату и Кто-то приказалъ на себѣ ядъ и сказалъ: «Смотрить если правда, что твои внуки загрязняютъ худое простыня никомъ лишаютъ тебѣ съ ними на одной перекладинѣ. Я дѣлаю дѣло Божье и мнѣ помѣшаетъ нельзя. Или и поешь что и сказалъ».

ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВЪ. Гамзатъ считалъ это дѣломъ Божьимъ?..

ХАДЖИ-МУРАТЪ. Дѣлъ пришелъ домой и сказалъ намъ. Тогда мы рѣшили не ждать а сдѣлали дѣло въ первый день праздника мечетъ. Говорили отказали—остались ты съ братомъ.

Мы взяли по два пистолета надѣли бурки и пошли въ мечетъ. Гамзатъ поднесъ съ тридцатью мюридами. Всѣ они держали пашки наголо. Радость съ Гамзатомъ пошелъ Асельдеръ его любимый мюридъ—хотѣ сѣмый, который отрубалъ голову ханиль. Угадавъ насъ сѣть кричнулъ чтобы мы сняли бурки, и подошелъ ко мнѣ. Кинжалъ у меня былъ на рукѣ, я и убилъ его и бросился къ Гамзату. Но брать Османъ уже выстрѣлилъ въ него. Гамзатъ еще былъ живъ и съ кинжаломъ бросился на брата но я убилъ его голову. Мюридовъ было тридцать человѣкъ а насъ двое. Они убили брата Османа а я отдался, выскочилъ въ окно и ушелъ.

ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВЪ. Двое противъ тридцати. (Продолжительно смотритъ на Хаджи-Муратъ).

ХАДЖИ-МУРАТЪ. Когда узнали, что Гамзатъ убитъ весь народъ поднялся, и аварцы бѣжали, а тѣхъ какіе не бѣжали тѣхъ перебили. (Остаивается тяжело переводитъ духъ).

ЛОРИСЪ МЕЛИКОВЪ Зачѣмъ, добился совѣта?

ХАДЖИ-МУРАТЪ. Это было все хорошо. Потомъ все испортилось. Шамиль сталъ на мѣсто Гамзата. Онъ прислалъ ко мнѣ письмо сказалъ чтобы я пошелъ съ нимъ противъ русскихъ; если же я отказуусь то онъ прозвалъ, что разорвитъ Хунзахъ и убьетъ меня. Я сказалъ что не пойду къ нему и не пущу его къ себѣ.

ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВЪ. (Нахмурившись и не тотъ часъ отвѣчая). Отчего же ты не пошелъ къ нему?

ХАДЖИ-МУРАТЪ. Нельзя было. Не пошелъ была кровь и брата Османа и Аслдеръ-хана. Я не пошелъ къ нему. Росенъ генералъ приказалъ мнѣ чтобы офицеръ и ѣхать быть начальникомъ Аваріи. Все было хорошо, но Росенъ назначилъ какъ Аварій сначала хана Казикумухскаго Магомета Мирзу, а потомъ Ахметъ-хана. Этотъ ненавидѣлъ меня.

ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВЪ. За что онъ тебя возненавидѣлъ?

ХАДЖИ-МУРАТЪ. Онъ сказалъ за свою дочь ханшу. Сватаетъ ее не отдали ему. Онъ думалъ что я виновенъ въ этомъ и посылалъ своихъ нукеровъ убить меня, но я ушелъ. Тогда онъ наговорилъ генералу Ключеку—сказалъ что я не было скрывалъ какъ дрова солдатомъ. Онъ сказалъ еще что я надѣлъ чамуу на полкъ—и что это значитъ что я передался Шамилю. Генералъ не повѣрилъ и не велѣлъ трогать меня. Но когда генералъ уѣхалъ въ Тифлисъ Ахметъ-ханъ сдѣлалъ по своему: съ ротой солдатъ схватилъ меня. заковалъ въ цѣпи и цѣпи держалъ въ пушкѣ.

— Шесть сутокъ держали меня тамъ. На седьмыя сутки отвязали и повели въ Темиръ-Хянъ-Шуру.

Вели сорокъ солдатъ съ заряженными ружьями. Когда мы стали проходить подъ Мотохъ тропка была узкая. направо крутые скалы пятьдесятъ. Я перешелъ отъ солдатъ вперодъ, на край круча. Солдатъ захотѣлъ сталкивать меня но я прыгнулъ подъ кручу и потащилъ за собой солдата. Солдатъ убился на смерть а я вотъ живъ остался. Рубали, рубали, часа два рубали, ажъ многіе не могли ужъ шашки поднять отъ усталости.

Порубали всѣхъ до чиста. Изъ восьмидесяти человѣкъ только нѣсколько раненыхъ уцѣлѣло, да такихъ какъ я. Видимъ, что дѣло плохо, погибать приходится, такъ я на хитрость пустился, сосочилъ съ лошади да подъ брюхами казачьихъ коней и поползъ къ станицѣ, а тамъ отъ забора къ забору, вотъ и спасся. Очъ и здорово же рубали... Это рубали. Потомъ пошли отступать во Владикавказъ, оттуда ушелъ въ Грузію, а изъ Грузіи въ Азербайджанъ, а какъ началась война въ Дагестанѣ, такъ двинулся сюда на подмогу съ казаками драться... Только вотъ аммуниціи нѣтъ. Изорался весь, а такъ жаловаться нельзя, кормятъ хорошо...

Я утѣшилъ этого бравраго вояку, который съ такимъ хладнокровіемъ и равнодушемъ могъ разсказывать о томъ, какъ будто о какомъ-нибудь мелкомъ происшествіи, какъ ихъ «рубали», «рубали», что скоро ихъ обмундируютъ какъ слѣдуетъ и подошелъ къ Назиму, который разговаривалъ съ какимъ то юношей,

— Вотъ видите, сказалъ юноша, распахиваетъ отрепья и показывая голое тѣло.

— Ну что, кто вы такой? Ваша спеціальность?

— Я пулеметчикъ второй номеръ.

— Какъ васъ звать?

— Янъ Казимиръ.

— Вы полякъ.

— Да, пришелъ помогать дагестанцамъ.

Слушая этотъ разговоръ я думалъ— вотъ и поляхъ пишется; и мнѣ вспомнилось далекое прошлое, когда въ рядахъ кавказскихъ горцевъ боровшихся за свободу было много польскихъ эмиссеровъ, даже существовалъ на Кубани небольшой польскій легіонъ.

Исторія гласитъ, что въ 30-ыхъ и 40-ыхъ годахъ прошлаго столѣтія польскіе эмиссары на Кубани уговаривали черкесовъ поголовно вооружиться и совмѣстными усиліями овладѣть русскими укрѣпленіями.

Бѣжавшій изъ Сибири бывшій польской арміи поручикъ Якубовичъ или Якубъ-ханъ, какъ его называли черкесы, устроилъ даже въ горахъ лабораторію, гдѣ приготвляли для горцевъ порохъ и другіе военные припасы.

Ребра, голову, руки ноги, все поломалъ. Подняться было—не могъ. Закружилась голова, я зкачуть Прокуцкая жмерть въ крыльи. Пастухъ увидѣлъ, позвалъ народъ сенно мои въ аулъ. Ребра, голова вывихнулъ. Народъ уишать стали задѣть ко мнѣ. Я выздоровѣлъ, перелѣзъ въ Цельмесъ. Аварцы спитъ знали меня упрыкать имя.

И я отглаяся. (Вытоетъ быстро и достаетъ изъ перемѣнныхъ сумки портфель. Изъ портфеля вынимаетъ два пожелтѣвшихъ письма и подаетъ ихъ Лорисъ-Меликову).

ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВЪ. (Читаетъ). Прикащикъ Хаджи-Муратъ. Ты служилъ у меня, я былъ доволенъ тобою и считалъ тебя добрымъ человѣкомъ. Недавно, генералъ-майоръ Ахметъ-ханъ утѣшилъ меня, что тебѣ нехорошо, что ты надѣлъ чамуу, что ты имѣешь сношенія съ Шамилемъ что ты научилъ народъ не слушать русскаго начальства. Я приказалъ арестовать тебя и достигнуть тебя но мнѣ,—ты бѣжалъ, не знаю къ лучшему-ли это или къ худшему, потому что не знаю, виновенъ-ли ты или нѣтъ. Теперь слушай меня. Если сомнѣть твоя чиста противу великаго царя, если ты не виновенъ ни въ чемъ пишь но мнѣ. Небойсь никого, я твой защитникъ. Хапиль тебѣ ничего не сдѣлаетъ,—онъ самъ у меня подъ начальствомъ. Такъ и нечего тебѣ боятьсяя. (Хаджи-Муратъ достаетъ другое письмо, и не отдаетъ его еще въ руки Лорисъ-Меликову разсказываетъ, какъ онъ отвѣчалъ на первое письмо).

ХАДЖИ-МУРАТЪ. Я написалъ ему, что чамуу я носилъ, но не для Шамиля, а для спасенія души; что ни Шамилю и перейти не хочу и не могу потому что черезъ него убили мой отецъ, братья и родственники, но что я къ русскимъ не могу выйти потому что они меня обокчестили. Въ Хунзахъ, когда выражали сильный жоетъ)... на меня. И я не могъ

Пока мысль моя улетала въ прошлое интересный разговоръ продолжался.

— Хорошо, вы будете зачислены въ пулеметную команду.

Но Янъ-Казимиръ мялся на мѣстѣ.

— Въ чемъ дѣло еще?

— Разрѣшите мнѣ сначала въ городъ?

— Зачѣмъ?

— Я, или умру, или одѣнусь.

— Какъ же вы одѣнетесь?

— Убью казака и сниму съ него одежду.

Товарищи Яна-Казимира, наблюдавшіе всю эту сцену разговора, улыбались.

Оказывается кто то пришелъ съ лѣваго фланга изъ города и разсказалъ, какъ какой то ингушъ, оказавшійся въ рядахъ повстанцевъ пробрался въ часть города, занятую добровольцами, убилъ тамъ казака, переодѣлся въ его военный костюмъ, захватилъ его оружіе и вернулся обратно.

Этотъ разсказъ услышалъ Янъ-Казимиръ и бросился къ командующему съ просьбой отпустить его на другой фронтъ „для экипировки".

— Я не могу больше въ такомъ видѣ ходить, я или умру или одѣнусь, повторялъ онъ, при дружномъ хохотѣ окружающихъ.

Едва я отошелъ въ сторону, какъ натакнулся на Али.

— А, знаете, наши ингуши и тутъ отличаются, сказалъ онъ сіяя.

— А что?

— А вотъ... И онъ началъ разсказывать исторію съ ингушомъ въ Дербентѣ,— но я его перебилъ;

— Эту исторію я уже слышалъ...

Ах. Цаликовъ.

Новыя республики и конференція.

Оставаясь на точкѣ зрѣнія, изложенной въ деклараціи отъ 7 іюня с. г. уполномоченные представители независимыхъ республикъ Азер.,байджана, Сѣвернаго Кавказа, Эстоніи, Грузіи, Украины, Латвіи, Литвы и Украины обратились 8 октября съ письмомъ къ предсѣдателю мирной конференціи Ж. Клемансо. Въ этомъ письмѣ говорится слѣдующее:

„Верховный совѣтъ союзныхъ державъ съ самаго момента своего учрежденія былъ поставленъ передъ фактомъ существованія новыхъ государствъ, возникшихъ вслѣдствіе распаденія бывшей Россійской имперіи, рухнувшей въ октябрѣ 1917 года. Эти новыя государства учредились согласно принципу права народовъ на самоопредѣленіе и на дѣйствительности организовались на широкихъ демократическихъ основахъ. Такимъ образомъ, они осуществили принципы, провозглашенные державами Согласія. Со времени своего основанія, эти государства оказались вынужденными защищаться противъ всѣхъ разрушительныхъ большевистскихъ и реакціонныхъ силъ, которыя пытаются вооруженной рукой проникнуть въ эти страны, кровавая война которую эти двѣ партіи ведутъ между собой въ предѣлахъ Россіи, не препятствуетъ имъ, каждой съ своей стороны, нападать, или готовиться къ нападенію на эти новыя демократическія государства. Такъ какъ послѣднія нуждаются въ моральной и матеріальной поддержкѣ, то было необходимо формальное признаніе ихъ независимости и оказаніе имъ международной помощи противъ всякихъ нападеній.

А между тѣмъ, несмотря на всѣ деклараціи и ходатайства этихъ государствъ, имъ не было предоставлено ни это признаніе, ни эта международная помощь. Напротивъ, согласно съ принятымъ Согласіемъ рѣшеніемъ вести борьбу съ русскими большевиками, армія Колчака, Деникина и другихъ получили громадную матеріальную помощь которой часто пользовались для дѣйствій противъ національныхъ государствъ, организовавшихся на окраинахъ Россіи. Такимъ образомъ, вся созидательная способность, проявленная этими народами, всѣ приложенныя этими народами усилія къ созданію истинно-демократическаго, соціальнаго строя, находятся подъ угрозой уничтоженія этими силами, пользующимися поддержкой союзныхъ и присоединившихся державъ. Полная дезорганизація, въ которую эти силы повергли занятыя ими части Сѣвернаго Кавказа и Украины, является яркимъ послѣдствіемъ ихъ проникновенія въ эти государства".

Далѣе въ письмѣ говорится:

„Вопросъ о независимости этихъ новыхъ государствъ долженъ былъ бы быть разрѣшенъ немедленно, не ожидая разрѣшенія внутренняго русскаго кризиса, такъ какъ для всѣхъ, кому извѣстно положеніе дѣлъ въ Россіи, очевидно, что этотъ кризисъ будетъ продолжительнымъ и не можетъ быть разрѣшенъ военными успѣхами той или иной партіи. Сверхъ того, эти государства предложили и дали достаточныя гарантіи свободнаго экономическаго развитія будущей Россіи и обезпеченія имѣющихся въ этой области интересовъ союзныхъ и присоединившихся державъ".

Письмо заканчивается слѣдующимъ заявленіемъ:

„Всякое новое проведеніе въ урегулированіи международнаго положенія этихъ странъ можетъ только ухудшить нынѣшнее положеніе. Поэтому намъ кажется, что интересамъ самихъ великихъ державъ соотвѣтствовало бы оказаніе поддержки этимъ новымъ государствамъ, которыя уже дали столько доказательствъ своей способности къ организаціи и которыя ставятъ своей задачей съ полной искренностью изыскать удовлетворительное рѣшеніе для выполненія приходящейся на ихъ части обязательствъ бывшей Россіи по отношенію къ другимъ государствамъ.

Принимая во вниманіе эти соображенія и искреннее желаніе нашихъ народовъ вступить, путемъ принятія въ Лигу націй, въ семью другихъ свободныхъ и цивилизованныхъ народовъ, мы вновь возвышаемъ нашъ голосъ и просимъ васъ, господинъ президентъ, доложить верховному совѣту союзныхъ державъ слѣдующее наше ходатайство:

1. Признать каждую изъ упомянутыхъ выше республикъ самостоятельнымъ государствомъ.

2. Немедленно приступить къ изслѣдованію территоріальныхъ, финансовыхъ, экономическихъ и прочихъ вопросовъ, вытекающихъ изъ факта такого признанія".

„Азерб."

Разгромъ Кубанской рады.

Приказъ ген. Врангеля. Судъ надъ Калабуховымъ. Казнь Калабуховъ.

Новороссійскъ, 21 ноября 1919 г. Копія телеграммы командующаго кавказской арміей отъ 7 ноября с. ст. 1919 года генералу Лукомскому, Наштарма кавказской, командир. добрармі, Кіевъ командирскій, Одесса командвойскъ, Новороссійскъ донскому атаману и командарм. Дона, терскому атаману, Екатеринодаръ кубанскому атаману.

Приказъ кавказской арміи 6-го ноября 1919 года № 557 г. Кисловодскъ.

Принуждаясь именемъ кубанцевъ, горсть предателей засѣвъ въ тылу, отреклась отъ матери Россіи. Преступныя дѣйствія своими они грозили свести на нѣтъ все то, что сдѣлано сынами Кубани для возсозданія Россіи, все то, за что 10000 кубанцевъ пролили свою кровь.

Нѣкоторые изъ нихъ дошли до того, что *заключили преступный договоръ съ враждебными намъ горскими народами*, договоръ, предающій въ руки врага младшаго брата Кубани—Терекъ, пытались развалить сплочённый рядъ въ тылу и затруднять работу атамана и правительства въ дѣлѣ снабженія и пополненія арміи, преступники оказывали содѣйствіе врагамъ Россіи, той кріпкой нечисти, которая годъ тому назадъ залила Кубань кровью.

Какъ командующій арміей, я обязанъ спасти армію, не допустить смуты въ ея тылу.

Въ исполненіе отдаваемаго мною командующимъ войсками тыла арміи генераломъ Покровскимъ взять подъ стражу и преданы военно-полевому суду въ первую голову 10 измѣнниковъ: Калабуховъ, Макаренко, Манжула, Омельченко, Балабась, Воронцовъ, Фаськовъ, Рогавецъ, Жукъ и Подтопельный.

Пусть запомнятъ эти имена тѣ, кто попытались бы идти по ихъ стопамъ.

Подлинный подписалъ: генералъ Врангель.

Съ подлиннымъ вѣрно; за старшаго адъютанта штаба черноморскаго губернатора, подпоручикъ Юрковичъ.

Приговоръ

1919 года ноября 6-го дня гор. Екатеринодаръ.

Военно-полевой судъ, учрежденный на основаніи приказа главнокомандующаго войсками тылового района кавказской арміи отъ 6-го ноября за № 6 въ составѣ предсѣдателя полковника Каминскаго, членовъ есаула Лычевъ, есаула Прудніковъ, есаула Зѣкерцъ, есаула Хорина, разсматривавъ дѣло о Алексѣѣ Ивановичѣ Калабуховѣ, казакѣ станицы Новопокровской, Куб. обл., и, признавъ его виновнымъ въ томъ, что въ іюнѣ текущаго года, онъ, къ сообществѣ членовъ кубанской делегаціи Бычевъ, Савицкимъ, Намитоковымъ съ одной стороны и представителями медмлиса горскихъ народовъ Черноевымъ, Гайдаровымъ, Хадзаровымъ и Баматовымъ съ другой стороны подписалъ договоръ, явно клонящійся къ отторженію Кубанскаго края отъ государства Россійскаго съ полученіемъ на передачу кубанскихъ войсковыхъ частей въ распоряженіе медмлиса т. е. въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. ст. 100 п. ч. 3 п. 1 ст. 103, уголовнаго уложенія и приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Настоящій приговоръ подлежитъ представленію на утвержденіе командующаго войсками тылового района кавказской арміи.

Предсѣдатель суда (подпись).

Члены суда (подписи).

Резолюція командующаго войсками тылового района кавказской арміи „Приговоръ военно полевого суда утверждаю". Генералъ-лейтенантъ Покровскій. 7 ноября 1919 г.

Приговоръ военно полевого суда приведенъ въ исполненіе. 7-го ноября 1919 года въ 5 часовъ утра Есаулъ Раздерщинъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ направленіи нашими частями заняты селенія Кадаръ и Дуранги.

Добровольцы перебросили изъ Дербента подъ Темиръ-Ханъ-Шуру сунженскій и апшеронскій полки.

Добровольческія части въ дербентскомъ направленіи оттягиваются къ самому городу.

Нота Совѣта Обороны республики горцевъ Кавказа представителямъ союзныхъ державъ и республикамъ Закавказья.

Розгромъ Кубанской Краевой Рады.

Корреспонденціи изъ Ингушетіи.

**Статьи: Кого поддерживать—*Ах.*, Часъ наступаетъ—*К.*, Предъ новымъ натискомъ—*Арсунскій*, Нѣсколько словъ правителю Ингушетіи—*Мориръ*, По возставшему Дагестану—*А. Цаликовъ*, Хаджи-Муратъ—*Ахмедъ Цаликовъ*.

выйти къ намъ пока человѣкъ этотъ не будетъ уйтѣ А, главное, опасаюсь обманщика Ахмотъ-хана. Тогда генералъ просилъ мнѣ это письмо (подаетъ Лорисъ-Меликову другую, повсѣтайную бумажку).

ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВЪ. (Читаетъ). Ты мнѣ отвѣчалъ на мое письмо,—спасибо.—Ты пишешь, что ты не боишься вступиться, но сомнѣніе, изложенное тобой однимъ словомъ зачеркаетъ это; а я тебѣ упрямо, что русскій законъ справедливъ, и въ глазахъ твоихъ ты увидишь наказаніе того, кто смѣлъ тебѣ сговорить. Я уже приказалъ это послѣдовать.... (читаетъ про себя),... Приходи ко мнѣ съ чеченцами... Ну и что же?

ХАДЖИ-МУРАТЪ. Я не повѣрилъ этому и не послалъ къ Ключему. Мнѣ казалось надо было отговорить Ахмотъ-хану, этого я не могъ сдѣлать черезъ русскихъ. Въ этому же времени Ахмотъ-ханъ окружаетъ Целосель и хотѣлъ сохранить или убить меня. У меня было отнимаемъ мало народа, я не могъ отбиться отъ него. И вотъ въ этотъ время ко мнѣ пріѣхалъ посланный отъ Шамиля съ письмомъ. Онъ обѣщаетъ помочь мнѣ отбиться отъ Ахмотъ-хана и убить его и давалъ мнѣ въ управленіе всю Аварію. И вотъ я дрался и перешелъ къ Шамилю. И вотъ съ тѣхъ поръ я не перестаю воевать все съ русскими.

ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВЪ. Что же у тебя произошло съ Шамилемъ?

ХАДЖИ-МУРАТЪ. Дружбы между мной и Шамилемъ никогда не было, но онъ боялся меня, и я былъ ему нуженъ. Но тутъ случилось, что у меня спросили, кому быть имамомъ послѣ Шамиля. Я сказалъ, что имамомъ будетъ тотъ, у кого пашка окажется острѣй. Это сказалъ Шамилю и онъ захотѣлъ избавиться отъ меня. Онъ послалъ меня въ Тебелерцы. Я пріѣхалъ, отобралъ тамъ баранокъ, просто лошадей. Но они сказали, что я не ѣхалъ и сѣдлалъ не по его наиболѣе и велѣлъ приказать ему всѣ деньги. Я послалъ тысячу золотыхъ. Онъ прислалъ сказать народамъ и отобралъ у меня все мое имѣніе. Онъ пробовалъ меня къ себѣ; я зналъ, что онъ хочетъ убить меня и не пошелъ. Онъ прислалъ звать меня, я обѣщалъ и вышелъ къ Воронцову. Только семья и не пошелъ. И опять, и послѣ я слалъ у него. Этимъ онъ держитъ только на моей пашкѣ имѣетъ въ своихъ рукахъ кольцо заложенки. Я просилъ сардаря обмѣнять ихъ, но вотъ столько времени прошло, ничего не находитъ. Когда будетъ?

ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВЪ. Все устроится.

ХАДЖИ-МУРАТЪ. (Вплываетъ). Ты говоришь устроится, устроится, а ничего не выходитъ. Время идетъ, (упоминаютъ улыбнись). Пойдемъ, посмотрѣли.

ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВЪ. Хорошо, хорошо... (Уходитъ).

ХАДЖИ-МУРАТЪ. (Смотритъ ему въ слѣдъ. Пауза). Глупы, они обѣщаютъ мнѣ! Они ничего для меня не сдѣлаютъ. (Входитъ чиновникъ Кирилловъ и кланяетъ).

КИРИЛЛОВЪ. Здравствуй Хаджи-Муратъ! (Хаджи-Муратъ кланяетъ головой).

ХАДЖИ-МУРАТЪ (отвѣчаетъ). Деньги привезъ?

КИРИЛЛОВЪ. Привезъ.

ХАДЖИ-МУРАТЪ. За двѣ недѣли теперь, (Хаджи-Муратъ показываетъ десять пальцевъ и еще четыре).

КИРИЛОВЪ. Сейчасъ задамъ. (Достаетъ пошелекъ изъ дорожной сумки. (Что себѣ). И на что ему деньги? (Хаджи-Муратъ сдѣлалъ и сердитъ посматриваетъ на чиновника. Кирилловъ хочетъ сказать значительнѣе. Чувствуетъ). Что случило здѣсь? (Хаджи-Муратъ продолжаетъ смотрѣть и ничего не отвѣчаетъ. Тотъ повторяетъ вопросъ). Что случно?

ХАДЖИ-МУРАТЪ. Давай деньги. (Садится къ столу, собираетъ считать деньги. Кирилловъ вынимаетъ золотые и разсыпаетъ онъ семь столбиковъ по десяти золотыхъ и подвигаетъ ихъ къ Хаджи-Мурату. Хаджи-Муратъ осыпаетъ золото въ руки черкесы, подымается и сосредоточенно пересчитываетъ стаканъ сопѣтника. Кирилловъ подымаетъ и закладываетъ въ кошелекъ. Кирилловъ приносилъ и кричитъ вслѣдъ).

КИРИЛЛОВЪ. Какъ ты смѣешь это дѣлать? Оскорбляетъ меня отличнаго сопѣтника. Безобразіе. (Хаджи-Муратъ предупредительно кланяетъ головой и выходитъ).

ПРИСТАВЪ. Что съ нимъ сталось дѣлать. Пьяный, кажалось, хотъ и все. Съ этими чертями не сговоришь. И вижу, опять обѣтчи начинаетъ. (Кирилловъ протестующе размахиваетъ руками, (Уходитъ). Пауза. Зѣдаръ танцуетъ входитъ двухъ горцевъ. Лица ихъ до глазъ обвязаны бинтыками. Одинъ изъ чиркуковъ молодстый черный гальинецъ, другой—хуной старикъ).

ЗЛДАРЪ. Подождите, сейчасъ придетъ. Позову. (Выходитъ и тотчасъ возвращается). Впереди Хаджи-Муратъ).

ХАДЖИ-МУРАТЪ. Селямъ алейкумъ!

ЛАЗУТЧИКИ. Алейкумъ селямъ.

ХАДЖИ-МУРАТЪ. Ну, разсказывайте что хорошаго привезли.

ПЕРВЫЙ ЛАЗУТЧИКЪ. (Старикъ). Дѣла невѣсны.

ХАДЖИ-МУРАТЪ. На то воля Аллаха. Разсказывай.

ПЕРВЫЙ ЛАЗУТЧИКЪ. Тѣ кто вышелъ выручать твою семью—отказываются. Шамиль падаетъ приказъ, что великій кто будетъ помогать Хаджи-Мурату подвергнутся страшному наказанію. Шамиль занимаетъ что, если ты не вернешься и не покаешься ему, то онъ погубитъ твою семью, а сыну твоему Юсуфу, вынаетъ глаза, а какъ онъ поступаетъ со всѣми измѣнниками.

ВТОРОЙ ЛАЗУТЧИКЪ. Все что сказалъ Абдулъ-Кадыръ сама правда. Клянусь Аллахомъ. И самъ слышалъ, какъ Шамиль приказалъ пронести твоего сына Юсуфа и говорилъ съ нимъ.—Ты сынъ Хаджи-Мурата?—Я, Имамъ.—Ты знаешь что онъ сдѣлалъ?—Знаю Имамъ и жалѣю объ этомъ.—Хочешь писать?—Я готовлюсь быть мудлой. Такъ напишу отцу, что если онъ выйдетъ нашъ то мнѣ теперь до бабрана, я прошу его и не будетъ по отцу. Если же онъ, а онъ остается у русскихъ то.. Шамиль громко нахмурился, и отдохнулъ тихо бабку, тихо шепъ по ауламъ а тебѣ отрубю голову. Шамиль задумался и долго вспоминалъ въ твоего сына. Потомъ сказалъ: напиши, что я желаетъ тебѣ и не убью а выкалю глаза, какъ я дѣлаю всѣмъ измѣнникамъ. Иди!

ХАДЖИ-МУРАТЪ. (Молчитъ, прислонившись къ окну, потомъ достаетъ два золотыхъ и отдаетъ лазутчикамъ по одному). Идите!

СТАРИКЪ-ЛАЗУТЧИКЪ. Какой будетъ отвѣтъ?

ХАДЖИ-МУРАТЪ. Отвѣтъ будетъ, какой Богъ дастъ. Идите. (Лазутчики уходятъ. За ними и Зѣдаръ).

ХАДЖИ-МУРАТЪ. (Садится и задумывается). Что дѣлать? Повѣрить Шамилю и вернуться? Онъ клеадка обманетъ. Если же онъ я не обманутъ бы, то покорится ему, рыжему обманщику, нельзя. Нельзя потому, что онъ теперь, послѣ того какъ я побылъ у русскихъ, не повѣрилъ мнѣ. Со мной случится то же исторія что съ соколомъ. Соколъ былъ любимцъ знаку у людей и потомъ вернулся въ свои горы на свободу. Онъ вернулся, но въ пугахъ и на пугахъ остались бубенцы. И соколы не пролетаетъ. Летитъ,—сказали онѣ—туда, гдѣ надѣнъ на тебѣ серебряные бубенцы. У насъ нѣтъ бубенцовъ, нѣтъ и пугъ. Соколы не хотѣлъ тебѣ надѣть пугалы и остался. Но другіе соколы не пропали и заклюевали его. Тѣхъ заклюютъ и меня. (Пауза). На русскихъ надежды нѣтъ, они обманщики. Они говорятъ разныя слова, а держатъ меня какъ въ тюрьмѣ. Ранѣ я, какъ что, они заняли сдѣлаютъ со мной и съ моими мюридами. Отъ нихъ не дождаешься помощи. (Пауза). Надо сейчасъ же рѣшетовать а то Шамиль погубитъ семью. Надо ѣхать въ горы... (Хлопаетъ въ ладоши. Входитъ Зѣдаръ и Гамзало).

Зѣдаръ, зашей пояъ что въ бешметъ (достаетъ золотые. Тотъ тотчасъ начинаетъ распарывать шелковый поясъ достаетъ изъ-подъ кинжала). А ты, Гамзало приказъ молодцамъ осѣдлать рукзы, пистолеты, приготовьте заряды. Завтра поѣдемъ далеко.

ГАМЗАЛО. (Радостно). Пуля есть порохъ есть, будетъ готово, Имамъ, русскихъ собакъ ѣзжать будемъ и бѣжать въ горы...

ХАДЖИ-МУРАТЪ. Или нѣтъ. (Гамзало уходитъ и возвращается съ другими мюридами они переосматриваютъ винтовки, пистолеты, заряжаютъ, времени, перебираютъ плохіе, подвешиваютъ на поясъ свѣжаго порохъ только шашки и кинжалы и вяжутъ плохія сѣдла. Затѣмъ уходятъ хозяръ съ отобранными зарядами пороха, пулями обернутыми маслянными тряпками. Работа эта производится втайнѣ отъ зверя.

Во время этого пѣнія Хаджи-Муратъ уходитъ въ черезъ нѣкоторое время возвращается, потрясенный въ глубокую думу. Пѣніе стихаетъ).

ХАДЖИ-МУРАТЪ. (Про себя). Онъ хочетъ осѣдлать Юсуфа. (Подзываетъ). Ѣхать, не бывать этому. (Повернувшись къ мюридамъ). Зѣдаръ пади сѣдлы прочеку и жалѣю ѣхать на прогулку и сѣдлайте коней. (Мюриды радостно, возбужденные кидаются къ лошадямъ).

Ахмедъ Цаликовъ.

Казнь Калабухова

Во исполнение приказа главнокомандующего юга России генерала Деникина отъ 25-го октября чины рады А. Калабухов, подписавший „обоюдный дружбы" съ мошенниками горскихъ народовъ, былъ преданъ военно-полевому суду.

Военно-полевой судъ былъ созванъ командующимъ тыловыми частями района кавказской арміи генераломъ О. Л. Покровскимъ ночью, 7-го ноября и приговорилъ Калабухова къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Приговоръ утвержденъ генераломъ Покровскимъ и въ 5 часовъ утра 7-го же ноября приведенъ въ исполненіе на крѣпостной площади. (Н. Кб.*)

Арестъ Султанъ-Шахимъ-Гирея.

7 ноября, утромъ арестованъ Султанъ-Шахимъ-Гирей и генъ. Гатаулу—оба черкесы.

Арестъ произведенъ начальникомъ черкесской дивизіи Султаномъ Келечъ-Гереемъ, который этихъ лицъ беретъ на поруки.

Бѣгство Ив. Макаренко, Бевкроовнаго и Гончарова.

Подлежащіе аресту генер. Покровскимъ члены рады: Иванъ Макаренко, Бевкровный и полк. Гончаровъ скрылись.

На крѣпостной площади.

„Кубанское Слово" пишетъ:

Съ утра радъ за радомъ, кучка за кучкой, одинъ за однимъ, идутъ жители на площадь и такая же лента людей можетъ возвращается обратно.

На площади высятся столбы, у которыхъ колышется большая толпа. На слова, на оскорбленія, на радости, на насмѣшки. Толпа сплошномъ подвинена зрѣлищемъ, чтобы выражать свои мнѣнія.

Черезъ толстую перекладину перекинута веревка, и при каждомъ порывѣ ветра чуть-чуть покачивается, да полы сѣрой чекчеки раздуваются и волосы повѣшенныхъ чуть-чуть шевелятся.

Придетъ новый человѣкъ, спроситъ у стоящихъ и не отрываемыхъ глазъ отъ трупа:

— Это Калабуховъ?

Оправшиваемый задрочитъ подорвется и словно по ней, нехотя фразитъ:

— Да Калабуховъ!

И снова глаза обращаются къ доскѣ, гдѣ химическимъ карандашомъ написаны слова: „Да ихнему Россіи и Кубанскому казачеству."

И снова загадъ оборвается на бѣдномъ лицо трупа. Снова и снова приходятъ жители, среди которыхъ много военныхъ, и порядка мѣняетъ лицо какого нибудь члена Рады.

На окраинѣ, ни часовыхъ.

Все такъ просто...

А живая лента все вливается въ ворота площади, сучится и переходитъ другъ друга.

Новый арестъ членовъ Рады.

Кромѣ арестованныхъ 6 ноября депутатовъ дополнительно арестованы члены Рады: полк. Бевкровъ, Бѣлобокъ, Подопсельный, Жукъ и полк. Гончаровъ. Приказомъ ген. Врангеля арестованные депутаты, а также арестованные накануне Бевкровъ, Петръ Макаренко, Воропаевъ, Маньгинъ, Оксенченко и полк. Ревенко предаты военно-полевому суду. Вечеромъ, 7 ноября, начались засѣданіе суда.

Только что стало извѣстно объ арестѣ еще одного члена Рады И. Бѣлаго.

Арестъ братьевъ Н. С. Рябовыхъ.

ЕКАТЕРИНОДАРЪ, 7/XI. Арестованы Петръ и Павелъ Рябовскіе, братья полковника Н. С. Рябовскаго, офицеръ для порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Федоренко и начальникъ 1-го уч. гор. стражи кн. Мачабели. (Русскій).

Къ судьбѣ арестованныхъ.

ЕКАТЕРИНОДАРЪ, 9/XI. Изъ авторитетныхъ источниковъ сообщаютъ, что преданные приказомъ ген. Врангеля военно-полевому суду депутаты Рады Макаренко, Оксенченко и др. числѣ 11 человѣкъ приговорены къ смертной казни. Приговоръ будетъ представленъ на утвержденіе непосредственно ген. Врангелю.

На Дону:

Арестъ П. Агѣева.

По сообщенію „Куб. Земли", въ Новочеркасскѣ арестованъ, по приказу войскового атамана ген. Богаевскаго, членъ донского войскового круга Павелъ Агѣевъ за статьи въ „Вольной Кубани", явно враждебныя противъ особаго совѣщанія и добровольческаго командованія.

Послѣднія вѣсти.

(Отъ нашего спеціальнаго корреспондента).

На дагестанскихъ фронтахъ.

Наши части, занимавшія Кизилъ-ярскія высоты продвинулись впередъ и заняли сел. Кадаръ и Дурангн.

Ввиду слабости Темиръ-Хань-Шуринскаго гарнизона — 600 солдатъ и казаковъ, — городъ Шура укрѣпляется—сооружаются вокругъ города проволочныя загражденія, стягиваются части съ Дербентскаго фронта, такъ 23 ноября сняты съ этого фронта Апшеронскій и Сунженскіе полки и переброшены на Т.-Х.-Шуринскій фронтъ.

На Дербентскомъ фронтѣ подъ вліяніемъ нашего натиска противникъ отходитъ къ Дербенту, оставивъ ранѣе занятыя и сожженныя имъ селенія.

Въ среду 19 ноября наши части, занимавшія сел. Карабудахкентъ вытѣснили противника изъ сел. Гели, Параулъ, Дургели, которыя нами и заняты.

Казачье-ингушскія отношенія.

(Отъ нашего корреспондента).

Часть терскихъ казаковъ, населяющихъ смежныя съ Ингушетіей станицы, пытается извлечь „выгоду" изъ своихъ „отношеній" къ ингушамъ.

Особенно, конечно, это извлеченіе „выгоды" ложится на плечи тѣхъ ингушей, которые въ цѣляхъ товарообмѣна или покупки пшеницы ѣздятъ въ казачьи станицы Моздокскаго отдѣла и Сунженскіи линіи.

Частенько казаки на базарѣ останавливаютъ того или другого ингуша и отбираютъ у него лошадей, ссылаясь на то, что эти лошади принадлежали имъ и были угнаны у нихъ въ близкомъ или отдаленномъ прошлом.

На днях въ одной изъ станицъ такимъ образомъ казакъ пытался отобрать лошадь у одного ингуша жителя Ахкаево.

Разсказавъ о принятахъ своей лошади, казакъ утверждалъ, что эта лошадь иконно и принадлежала ему, но была угнана разбойниками въ концѣ прошлаго года.

Когда начали лошадь осматривать станичные старшины, оказалось, что у лошади нѣтъ такъ приметъ, о которыхъ говорилъ казакъ.

Послѣ этого, съ трудомъ удалось убѣдить казака, что лошадь не его, и онъ ушелъ, отказавшись отъ своихъ претензій на лошадь ингуша.

Но частенько, когда растерпѣлый казакъ натыкается со своими претензіями на такого ингуша, который не сумѣетъ постоять за себя, не доведетъ дѣло до „надлежащихъ властей"—дѣло не кончается такъ благополучно для ингуша.

Лошади, арбы, телѣги безнаказанно переходятъ въ руки казаковъ.

Еще хуже состоитъ дѣло съ землями, такими землями, которые арендовались раньше ингушами у казаковъ, а по дарету Терскаго народнаго Совѣта должны были поступить во владѣніе и пользованіе такъ, что ихъ обрабатываетъ.

Эти земли казаками явочнымъ порядкомъ отобраны обратно.

Но мало того.

И сосѣдніе съ этими землями, исконно принадлежавшими ингушамъ, также были обращены казаками въ „нейтральныя зоны", обработку которыхъ нельзя было вести ингушамъ, ибо такая „нейтральная зона" подвергалась обстрѣлу съ какой сторонъ какъ только, на нихъ появлялись ингуши.

Такая „нейтральная зона", будучи отнята отъ посѣвной площади ингушей, конечно сильно сократила возможности для ингушскихъ хозяйствъ собрать то количество продуктовъ, которое обычно сбиралось въ прошлое время.

Много урожая, большая площадь кукурузнаго поля и до сихъ поръ оставалась на корню въ такихъ „нейтральныхъ зонахъ", ибо казаки подвергли обстрѣлу всѣхъ тѣхъ, кто пытался выйти на работу въ поле.

При такихъ обстрѣлахъ были жертвы и въ селеніи Экажево и въ Аналуках.

Отъ молчанія установленія силой казаковъ такихъ „нейтральныхъ зонъ" за счетъ сокращенія ингушской посѣвной площади особенно пострадали селенія Аналуки, Яндыри, Галашки, Экажево на плоскости. Особенно же пострадала горная полоса, смежная съ сунженскими станицами.

Эти станицы, занятыя ингушами въ августѣ 1918 года, по приходѣ добровольцевъ на Терекъ были превращены въ „твердыни", гдѣ расположилась гарнизонная казачья и кавалерійская часть.

Именно отъ нея то пострадали горные ингуши, ибо, какъ только этотъ гарнизонъ и его разъѣзды, эмигрировали работающихъ въ поле ингушей, или зависимости отъ того были это дѣти, женщины, начинали обстрѣливать. Большіе этого очень много кукурузнаго поля горныхъ ингушей оказалось неубранными, что конечно, очень тягостно отразится на горцахъ, которые и безъ того всегда имѣли очень мало зерна, нехватавшаго на продовольствіе въ теченіи полугода.

Обычно недостатокъ горцевъ въ зерновыхъ продуктахъ продовольствовался пополненіемъ плоскостью, получавшей взамѣнъ продукты скотоводства.

Но въ этомъ году и плоскость не обладаетъ такъ излишкомъ зернового продукта, которымъ можно было обмѣниваться съ горцами, потому что и на плоскости большіе существованія „нейтральныхъ зонъ" и вслѣдствіе постоянно обстрѣла ингушскихъ полей казаками не весь хлѣбъ былъ снятъ съ полей.

Мусаевъ.

Нѣсколько словъ,—правительство Ингушетіи.

„Правитель" Ингушетіи передавая ингушскому народу полученный ими отъ генер. Улагая отзывъ о доблести сыновъ Ингушетіи, сражающихся нынѣ на внутренняхъ русскихъ фронтахъ говоритъ: „покажите и вы себя не словомъ, а дѣломъ добрымъ, благонаправленными сынами своей родины, дабы въ рѣшительный моментъ, въ моментъ ликвидаціи анархіи и начала мирного строительства жизни имѣть возможности на общихъ для всѣхъ народовъ равныхъ основахъ заявить свои права".

Позволительно будетъ задать вопросъ и „правителю" о какой родинѣ и о какихъ правахъ заявляете,—вы?

Если вы подъ родиной подразумѣваете какую горами и величественными кавказъ, то мы ингуши, какъ и всѣ горцы, со спокойной совѣстью можемъ говорить о своей родинѣ, ибо мы выполнили предъ ней свой долгъ, выполняемъ и смѣемъ заявить васъ, что и впредь будемъ выполнять, по завѣту такъ, чтобы костьми усыпаны наши поля.

Если же подъ родиной вы имѣете ввиду Россію, возродить которую пытается Деникинъ и передъ ней предлагаете какъ выполнить долгъ сыновей, то напрасно вы растачаете красивыя слова: мы вы знаете, изъ недавняго прошлаго, что на такое служеніе насъ могутъ отправить только послѣ разгрома нашихъ очаговъ.

Россію угнетающую насъ; Россію, загнавшую насъ въ безподобныя горы, уничтожившую нашъ всякую возможность жить и развиваться, добровольно возстановлять мы отказываемся.

Мы, горцы,—по вашимъ же словамъ имѣющіе врожденную лихость,—умѣемъ смотрѣть смерти прямо въ глаза и никакія пытки и экзекуціи,—дать себѣ могилу, насъ не заставляетъ.

Относительно вашего заявленія, что надо быть „благонамѣренными сынами родины", дабы въ моментъ ликвидаціи анархіи можно было заявить свои права, мы должны прежде всего заявить, что за 9 мѣсяцевъ господства Деникина мы убѣдились, что пока Деникинъ и его сторонники правятъ нами;—анархія у насъ не прекратится.

Вашу же агитацію на предметъ „самостоятельчества", мы склонны разсматривать какъ провокацію. А если вы искренно напоминаете ингушамъ о ихъ правахъ въ чемъ разрѣшите усомниться, на устройство жизни на равныхъ съ другими народами началахъ, то мы беремъ на себя смѣлость поставить васъ въ извѣстность, что на счетъ правъ горцевъ „самоопредѣляться", вы съ вашими потомками генн. Деникинымъ въ этомъ вопросѣ немного разолились.

Деникинъ за это „несрокомное" напоминаніе въ Дагестанъ вулы сравниваетъ съ землей, а тѣхъ, кто говоритъ съ горцами объ этихъ правахъ заочно приговариваетъ къ смерти (Бича и др.).

Заканчиваетъ свое воззваніе правитель Ингушетіи словами „безусловно всѣми признанного Дени-Шейха: не ждите пощады отъ большевиковъ, ибо кромѣ разрушенія они вамъ не дадутъ ничего".

Что, что большевики ничего не дадутъ нам горцамъ это мы давно знали.

Но какъ вашъ и другое, что этотъ же самый Дени-Шейхъ, на слова которого вы ссылаетесь и которыя „всѣми нами признаны"—по вашему заявленію, былъ разстрѣянъ казаками Грозненской станицы среди сбѣлаго дня у столичнаго правленія и уже вторично не зато, что предлагалъ горцамъ итти въ рабство къ тѣмъ у которыхъ вы сейчасъ служите.

Мирзо.

Деникинская благодарность гр. Чулкову.

За свою предательскую роль въ дѣлѣ „возрожденія" Дагестана Деникинъ отблагодарил Чулкова, представивъ его „Донской Сокровищницѣ" генер. Деникинъ отъ генерала Деникина выразительная Деникинскія телеграммы Деникина, сообщающая содержаніе:

„Передаете предсѣдателю чеченскаго національнаго совѣта и чеченскому народу мою благодарность за участіе, принятое ими въ совѣстной борьбѣ съ нашими частями, нанесшими большинство чеченскихъ и горскихъ дивизіонъ. Уверяю, что чеченскій народъ вскорѣ не потерпитъ на своей территоріи большевиковъ и предатель родины и обманчивыя рассчитывать большевиковъ, будетъ мирно и тихо спокойную, мирную жизнь.

Деникинъ.

Телеграмма предпосланная Деникину Чулковъ со слѣдующимъ письмомъ начальника штаба Добровольческой арміи:

Предсѣдателю чеченскаго національнаго совѣта Чулкову.

Правительство генерала Деникина, въ которой выражена благодарность вамъ и вашему народу, я отъ себя прибавлю, что мы, которые вмѣстѣ с вами, вмѣстѣ, на одной горѣ стояли мы и, вероятно, а впередъ будемъ продолжать, естественно приходить къ такимъ результатамъ, кои дадутъ полное удовлетворение обѣим сторонамъ.

Рекомендуемъ вамъ по-прежнему среди чеченцевъ. И не прямыхъ отвѣтовъ вы сейчасъ.

Начальникъ конно южной группы Сев. Кавказ. генералъ-штабъ, генералъ Драценко.

Библіографія.

„На русскій"—ге 1-16 ноября 1919 г. Тифлисъ. Изд. „Вольный Союзъ". Ц. 10 руб. *Содержаніе*: передовая—*На русскій*, единственный выходъ—*Иванъ Ивановичъ*. Ставка на сильныхъ—*В. Арсеньевъ*. Сила и централизмъ—*П. Гурчинина*. Борьба горскихъ народовъ—*Ахмедъ Цаликова*. Туркестанъ и Революція—*Мустафы Чокаева*. Нужды и области. Обзоры и хроника. Матеріалы и документы: а—„Синяя книга"—Сборникъ тайныхъ документовъ объ индіи, б—„Отвѣтственные работники". Отъ редакціи.

Среди многочисленныхъ изданій последняго времени въ заглавіемъ обращаетъ на себя вниманіе только что вышедшій въ Тифлисѣ журналъ „На русскій".

Безусловно изданный съ вышеиз стоящею цѣлью журналъ любопытенъ и по внутреннему содержанію.

Журналъ ставитъ основной задачей: теоретическое и практическое отстаиваніе права народовъ на свободное строительство своей національной жизни и государственной суверенитетъ; пропаганду идеи союзнаго объединенія государственныхъ новообразованій и народовъ бывшей Россійской имперіи—на почвѣ совмѣстной борьбы демократіи съ централистской реакціей и великодержавными кругами бывшаго, а также—выясненіе и установленіе экономическихъ цѣлей и интересовъ народовъ, слагавшихъ „старую Россію".

Особенно обращаетъ на себя вниманіе второй абзацъ вышеприведенной программы журнала, который объявляетъ даже переходъ нѣкоторыхъ „единствен".

Въ этомъ отношеніи въ статьѣ—„Единственный выходъ"—Иванъ Ивановичъ есть мнѣ, особенно многообѣщающее мѣсто.

„Историческія условія собиранія „Россіи", безконечныя войны на границахъ Москвы, интеллигентскіи петроградскіе кружки, и, наконецъ, государственная тяга „на Востокъ", въ сообщимъ проливамъ, и Константинополь, къ незамерзающимъ портамъ Тихаго Океана, къ сказочной Индіи, Александрета и Персидскому заливу,—все это не могло не наложить *своеобразныя отпечатки на великорусскую психологію и на отдѣльныя стороны исторіи и на политическія выраженія интеллигентской революционной интеллигентскіи, передовой интеллигентскіи и самое индустриальнаго пролетаріата* (курс. нашъ. Куртатинскій). Противопоставленіе „Россіи-великороссіи" ея „отсталымъ окраинамъ", признаніе за Великороссіей особой, *принципіальной роли* въ дѣлѣ *устройства малыхъ народовъ*, несостоятельно русскихъ интеллигенціи, дававшій часто доказательства поразительной высоты духа и сильно мѣшаетъ ея смерть „на другъ свой"—такомъ историческомъ этапѣ, невольно вспоминаетъ въ *правосознаніе русскаго демократа* и *самое сознаніе элементы чуждости ему национализма*.

Далѣе Вадимъ Чайкинъ заявляетъ: „необходимо съ полной твердостью, со всей страстью, достойной великаго задачи будущаго, отказаться отъ *лишь мелкостныхъ перемѣтовъ*"...

Не свете ли это по партійнымъ товарищамъ Вадимъ Чайкинъ изъ „знаменія революціи" и „знаменія труда", которые никакъ не могутъ мовиться отъ психологіи великодержавія и признать въ полной мѣрѣ право малыхъ народовъ распоряжаться своей судьбой по собственному усмотрѣнію.

В. Чайкинъ ставитъ и опредѣленную практическую задачу. Эта задача заключается въ томъ, чтобы сдѣлать вопросъ самоопредѣленія политикой *объединенія*, въ тѣсномъ контактѣ *съ великорусскою демократіи*, (!) противъ великодержавной централистской реакціи всѣхъ территорій и государственныхъ новообразованій, которыя до февральской революціи сознанной, и значительной степени слагали „старую Россію".

В. Чайкинъ призываетъ къ объединенію эти государственныя образованія съ великорусскою демократіей, отличной отъ той сверхъ „великодержавничества" и „мессіанства" о которой онъ говорилъ выше. Это въ цѣляхъ „борьбы съ большевизмомъ и реакціей".

Но для жаргонъ „великорусской великороссійской демократіи—ея что то мы не видимъ, значитъ и объединенія какъ практическая задачи текущей политики не можетъ быть. В. Чайкинъ и къ Арментьевой являются только первыми ласточками, и выяснятъ что одна, и далѣе два ласточки—весны не дѣлаютъ.

Во всякомъ случаѣ то, чего сейчасъ нѣтъ, можетъ быть завтра и во этомъ отношеніи можетъ цѣнность самыя поставленныя журналомъ вопросы. Прокладывающіе практическое значеніе при условіи предварительнаго процесса *самоопредѣленія* великорусской демократіи.

Нужно думать, что въ идеи которыхъ служитъ журналъ „На русскій", заглавіемъ горцевъ задуматься ту часть россійской социалистической интеллигенціи на Кавказѣ, которая запутываясь можетъ трезвости Россіи: ориентацеи на русскую демократію и революцію и правовѣ какъ всѣ народовъ на полную національности самоопредѣленія—вплоть до отдѣленія отъ Россіи.

Журналъ „На русскій" дастъ и рядъ другихъ интересныхъ статей вышеназванныхъ авторовъ, начиная отъ Ирины и кончая туркестанцы, объединенныя общностью одной задачи политики момента сознавается необходимости въ всѣхъ малыхъ народовъ бывшей Россіи общими усиліями бороться противъ отечественной и мировой реакціи.

Куртатинскій.

Редакторъ—Ахмедъ Цаликовъ.

Издатель—Совѣтъ Обороны Республики горцевъ Кавказа.